

Толстой Лев Николаевич

Педагогические сочинения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Педагогические сочинения / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 403 с.

ISBN 978-5-519-77206-8

ISBN 978-5-519-77206-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вдвое или, втрое больше. Газетныя и журнальныя статьи насчитывались десятками тысячъ, а теперь ихъ прямо миллионы: вѣдь, на земномъ шарѣ болѣе 100,000 періодическихъ изданій, а было ли хоть одно, которое въ дни агоніи и смерти Толстого не посвящало бы ему самага пристальнаго вниманія?

* * *

И такъ предъ нами популярнѣйшій—всѣхъ временъ, странъ и народовъ—писатель.

Но странное дѣло.

Этотъ величайшій писатель никогда, собственно, не былъ писателемъ въ обычномъ смыслѣ слова. Чрезвычайно характерно для Толстого, что, достигнувъ высшей точки литературной славы и значенія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не былъ тѣмъ, что можно назвать профессиональнымъ литераторомъ, понимая тутъ профессиональность, конечно, не въ смыслѣ матеріальной профессіи, дающей средства къ жизни, а даже въ менѣе узкомъ смыслѣ преобладанія литературныхъ интересовъ. Изъ біографіи огромнаго большинства писателей мы знаемъ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ у нихъ пробуждается, если не прямое желаніе стать писателемъ, то хоть повышенная воспримчивость къ литературнымъ явленіямъ. А уже въ зрѣломъ возрастѣ и личные и общіе литературные интересы прямо составляютъ центръ писательскаго существованія. Вспомнимъ праведника Бѣлинскаго, который просилъ положить ему въ гробъ книжку «Отеч. Записокъ»—, ибо литературѣ расcейской жизнь моя». Вспомнимъ Пушкина, который не любилъ быть писателемъ «въ свѣтѣ», но въ минуты творчества не только считалъ себя жрецомъ, но и испытывалъ чисто физиологическія потрясенія: «Надъ вымысломъ слезами обольюсь...». Умирающій Тургеневъ думаетъ о русскомъ языкѣ и русской литературѣ и послѣднее земное дѣйствіе его—умилительная мольба о томъ, чтобы Толстой вернулся къ художественному творчеству.

Ничего подобного—у Толстого. Чисто литературные интересы всегда у него стояли на втором планѣ, а на первомъ его непосредственная личность: онъ писалъ въ тѣ сравнительно немногіе часы, когда хотѣлось писать и вполне назрѣвала потребность высказаться. А въ обычное время онъ—свѣтскій человѣкъ (въ молодости), офицеръ, помѣщикъ, педагогъ, мировой посредникъ, проповѣдникъ, учитель жизни и т. д. Онъ никогда не нуждался въ литературномъ обществѣ, скорѣе избѣгалъ его—откуда ссоры съ Тургеневымъ и кружкомъ «Современника» 50-хъ г.; онъ никогда не принималъ близко къ сердцу интересы литературныхъ кружковъ, партий и т. д., весьма неохотно бесѣдовалъ о литературѣ, всегда предпочиталъ имъ разговоры о вопросахъ вѣры, морали, общественныхъ отношеній и т. д.

Въ общемъ, ни одно произведение его не «воняетъ литературою», говоря выраженіемъ Тургенева, т. е. не вышло изъ книжныхъ настроеній, изъ литературной замкнутости.

И отсюда же, конечно, то совершенно непонятное въ великомъ писателѣ пренебреженіе къ художественному творчеству, которое онъ проповѣдывалъ послѣднія 30 лѣтъ своей жизни. Если Гоголь тоже отрекся отъ великаго художественнаго дара своего, то, вѣдь, это было въ періодъ упадка таланта, а гутъ талантъ былъ въ зенитѣ: писалась «Смерть Ивана Ильича», писались сказки, «Власть тьмы», «Воскресеніе»; и весь міръ, только-что ознакомившись съ «Войною и миромъ», «Анной Карениной», апплодировалъ ему именно какъ художнику.

Несомнѣнно, въ этомъ пренебреженіи къ литературничанію всякаго рода одинъ изъ источниковъ той непосредственности, той почти стихійной силы, которая вообще характеризуетъ Толстого. Начиная съ символичности именно Левъ,—роста и физической крѣпости, все въ немъ стихійно-могуче. Онъ свѣтитъ безъ усилій, онъ ярокъ, какъ солнце, и стихійно-сильный онъ и читателя покоряетъ, какъ стихіи, могуществу которыхъ человѣкъ покоряется съ такимъ легкимъ и яснымъ чувствомъ.

Самая смерть его была какая-то стихійная.

Въ народѣ существуетъ повѣрье, что человѣкъ предъ кончиной «смерть зоветъ къ себѣ», и онъ стремится поэтому умереть не дома. Въ основѣ этого повѣрья, весьма возможно, лежитъ фактъ зоологически— несомнѣнный. Животныя, чуя кончину, уходятъ на другое мѣсто и готовятъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Въ народѣ, гдѣ близость къ природѣ тѣснѣе, и это органическое стремленіе къ разрыву со старымъ ярче. Я самъ былъ свидѣтелемъ такого неодолимаго стремленія простолудина умереть внѣ мѣста обычнаго жительства своего. И вотъ у Толстого сказалась та же стихійность, желаніе какого-то очищенія предъ смертью. Предъ смертью что-то неудержимо повлекло Толстого порвать со старою обстановкой и пожить хоть мигъ тою жизнью, которая ему казалась настоящей.

* * *

Не будучи никогда писателемъ по специальности, Толстой всецѣло посвятилъ свою жизнь выработкѣ человѣческой личности своей. Вотъ уже про кого поистинѣ можно сказать: Человѣкъ онъ былъ.

Неуклонно стремился онъ къ тому, чтобы выработать изъ себя совершеннаго человѣка. «Настоящей» жизни Толстой страстно жаждалъ съ первыхъ моментовъ сознательнаго существованія своего. И невѣрно обычное представленіе о томъ, что около 1880 года въ жизни Толстого произошелъ какой-то «переломъ», что онъ сталъ инымъ, чѣмъ былъ раньше. Съ нѣжнаго отрочества шла въ немъ напряженнѣйшая внутренняя борьба и выработка строгаго нравственнаго идеала. Все то, что рассказано въ «Отрочествѣ» и «Юности» о стремленіяхъ Иртеньева и Нехлюдова къ самоусовершенствованію, всѣ эти наложенныя на себя испытанія, вродѣ того, чтобы держать по долгу въ вытянутыхъ рукахъ томы огромныхъ лексиконовъ Татищева, всѣ эти стеганія себя по голой спинѣ и т. п. взяты изъ исторіи собственныхъ аскетическихъ попытокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разнообразѣвшія, какъ ихъ опредѣляетъ самъ Толстой, «умствованія» о главнѣйшихъ вопросахъ нашего бытія, о счастіи, смерти, Богѣ, любви, вѣчности болѣзненно мучили его еще въ ту эпоху жизни, когда сверстники его и братья всецѣло отдавались веселому, легкому и беззаботному времяпрепровожденію богатыхъ и знатныхъ людей.

Правда, аскетическіе порывы и «умствованія» шли рядомъ съ инстинктивными порываніями къ безхитростному, а часто даже къ безудержному пользованію благами жизни.

Получался мучительный разладъ.

Важно, очень важно отмѣтить, что чрезвычайно дорогою цѣною далось Толстому его стремленіе къ совершенству. Можно сказать, все содержаніе его жизни—въ мучительной борьбѣ съ противорѣчіями жизни и въ страданіяхъ эго-альтруистическаго характера, отсюда для Толстого истекающихъ. Подчеркиваю: эго-альтруистическихъ, потому что тутъ важный въ психологическомъ отношеніи отбѣнокъ.

Дѣло въ томъ, что, будучи однимъ изъ самыхъ великихъ моралистовъ всѣхъ временъ и народовъ, Толстой, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, едва ли не былъ лишенъ непосредственности душевныхъ порывовъ, непримѣснаго стремленія къ нравственному совершенству. Я когда-то опредѣлилъ Бѣлинскаго какъ «великое сердце», потому что вся душевная жизнь этой кристально-прозрачной души состояла исключительно изъ идеально чистыхъ порывовъ, изъ восторженно-безкорыстныхъ помысловъ о достиженіи истины. Никогда Бѣлинскій не заботился о томъ, какъ пристроить свою личность при достиженіи истины и осуществленіи идеаловъ. И такой-то беззавѣтности никогда не было у Толстого. Онъ самъ слишкомъ подробно рассказалъ намъ исторію своей души и ея не всегда побѣдоноснаго боренія, чтобы дать намъ какое бы то ни было основаніе считать ее кристально-чистой. У Толстого есть много того, что Нитче называетъ *Menschlich allzu*

Menschlich—человѣческаго, слишкомъ человѣческаго.

Но какъ - разъ это - то и увеличиваетъ цѣну окончательной побѣды. На высокій путь своихъ окончательныхъ рѣшеній Толстой попадаетъ не сразу, а послѣ извѣстнаго усилія необыкновенно чуткаго нравственнаго сознанія своего.

И вотъ по силѣ и жгучести этого желанія стать на высоту самыхъ строгихъ нравственныхъ требованій, я въ репдант къ «великому сердцу» и назвалъ Толстого (въ своей статьѣ о немъ въ «Энци. Словарѣ») «великою совѣстью».

Съ моей легкой руки эпитетъ пошелъ въ ходъ и много фигурировалъ въ некрологическихъ статьяхъ. Понимаютъ его, однако, слишкомъ однотонно, безъ связи съ тѣмъ, что тутъ не просто высокое свойство, но свойство выстраданное.

Если хотите, «великая совѣсть» можетъ быть еще большая заслуга, чѣмъ «великое сердце». Великое сердце дается отъ рожденія, великая совѣсть—черта благопріобрѣтенная, нѣчто такое, надъ чѣмъ надо трудиться. И потому, можетъ быть, такъ и заражаетъ работа великой совѣсти Толстого, что ясно чувствуется бореніе въ немъ противоположныхъ силъ. Оттого такъ и величественна душевная трагедія Толстого, что всю жизнь онъ мучился, стремился побѣдить въ себѣ ветхаго Адама, всю жизнь страдалъ отъ этой двойственности.

Были въ его жизни приливы и отливы, періоды большаго или меньшаго напряженія страданій великой совѣсти, но въ общемъ работа совѣсти прошла красной нитью по всей и личной и литературной жизни Толстого. Я уже говорилъ о ней по поводу перваго произведенія Толстого—«Дѣтства и Отрочества». Дальнѣйшія настроенія шли въ томъ же направленіи. Вотъ 20-лѣтній Толстой попадаетъ въ деревню. Что онъ тамъ дѣлалъ—мы знаемъ изъ «Утра помѣщика». Какъ во всѣхъ произведеніяхъ Толстого, совокупность которыхъ представляетъ собою самую полную изъ его біографій, здѣсь надо только подставить фамилію «Толстой» вмѣсто «Нехлюдовъ», чтобы получить достовѣрный рассказъ о

житья его въ деревнѣ и высоко-замѣчательномъ опытѣ его посвятить себя благу принадлежащихъ ему «душъ». Боевая жизнь на Кавказѣ и въ Севастополѣ не останавливаетъ внутренняго боренія. Попавъ затѣмъ, благодаря «Севастопольскимъ разсказамъ», очень быстро въ знаменитости, Толстой нимало не удовлетворился своимъ небывало громкимъ дебютомъ. Попрежнему его неотразимо влечетъ къ себѣ, какъ мы знаемъ изъ «Исповѣди», идеаль «Святости». Онъ никакъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что онъ «чудесный художникъ», никакъ не можетъ признать литературную дѣятельность тѣмъ-то особенно возвышеннымъ, тѣмъ-то такимъ, что освобождаетъ человѣка отъ необходимости стремиться къ самоусовершенствованію и посвящать себя всецѣло благу ближняго. На этой почвѣ и возникъ его знаменитый разладъ съ Тургеневымъ и другими представителями высшей литературной іерархіи того времени.

Разошедшись съ литературными сверстниками, Толстой ѣдетъ за границу, и тутъ опять ярко проявляется то, что можно назвать зоркостью великой совѣсти.

Толстой всего менѣе былъ славянофиломъ и всегда вышучивалъ славянофильское ученіе. Но Западъ не только не произвелъ на него впечатлѣнія «страны святыхъ чудесъ», какъ на славянофила Хомякова, а въ общемъ впечатлѣніе было безусловно отрицательное. Косвенно оно выразилось въ томъ, что нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ Толстой не обмолвился какимъ-нибудь ласковымъ словомъ о тѣхъ или другихъ сторонахъ заграничной жизни, нигдѣ не поставилъ культурное превосходство Запада намъ въ примѣръ. Но зато онъ очень ярко выразилъ свое разочарованіе въ европейской жизни и съ такой стороны, гдѣ опять сказалась особливая прозорливость его необыкновенной чуткой совѣсти. Вы помните удивительнѣйшій разсказъ «Люцернъ», гдѣ исключительно нравственнымъ чутьемъ своимъ, не будучи ни послѣдовательнымъ социалистомъ, ни даже просто знакомымъ съ социальными

ученіями, онъ сразу схватилъ ту социальную неправду, на которой построенъ европейскій буржуазный строй. То, что въ одинъ іюльскій вечеръ 1857 г. богатые путешественники, собравшіеся на террасѣ первоклассной гостиницы въ Люцернѣ, не бросили никакой подачки бѣдному музыканту, Толстой возвелъ въ фактъ мірового значенія, въ показатель безсердечія высшихъ классовъ европейскаго общества. Пусть Толстой преувеличилъ (сколько простого попрошайства среди музыкантовъ), пусть это были годы колоссальнаго успѣха такого высокоальтруистическаго произведенія, какъ «Хижина дяди Тома». Но все равно, какая чуткость къ злу и неправдѣ! Почему чудная панорама Лютерна настроила русскаго туриста не идиллически, а такъ враждебно. Съ какой прозорливостью схвачена тутъ въ ничтожномъ явленіи вся сущность лежащаго въ основѣ европейскаго общества огромнаго контраста между богатствомъ и бѣдностью. Все это схвачено Толстымъ съ поражающею силою. И, конечно, это геніальное умѣнье разсмотрѣть этотъ контрастъ сквозь великолѣпный внѣшній покровъ европейской культуры было однимъ изъ проявленій именно великой совѣсти. Оно могло явиться у Толстого только потому, что мысль объ устроеніи человѣческой жизни на началахъ братства и справедливости никогда его не покидала, и потому что къ каждому явленію онъ подходилъ только съ такою мѣркою. Книжнаго, какъ и въ «Утрѣ помѣщика», тутъ не было ничего.

А что дѣлалъ Толстой за границею?—Онъ интересовался исключительно состояніемъ народнаго образованія и учрежденіями для поднятія уровня рабочаго населенія. Онъ, котораго многіе считали надменнымъ за его нежеланіе съ кѣмъ то ни было знакомиться, дѣлаетъ визитъ Ауэрбаху, потому что Ауэрбахъ издавалъ календари для народа. А въ Брюсселѣ Толстой ищетъ знакомства съ Прудономъ, въ которомъ его восхищаетъ рѣзкость критики буржуазнаго міросозерцанія.

Вернувшись въ Россію, Толстой становится миссо-

вымъ посредникомъ—замѣтите: единственный изъ своихъ литературныхъ сверстниковъ. Тоже единственный изъ своихъ сверстниковъ, онъ становится затѣмъ педагогомъ. Сверстники были глубоко убѣждены, что рядомъ съ литературною дѣятельностью все остальное мелко. Толстой думалъ какъ-разъ наоборотъ и живое дѣло всегда ставилъ безконечно выше книжнаго. Въ томъ, что Толстой занялся педагогіей, опять-таки, не было никакой примѣси увлеченій времени—вѣдь, онъ нападаетъ и на модную тогда нѣмецкую педагогію, и на „прогрессъ“. Онъ даже видитъ въ этомъ прогрессѣ источникъ эксплуатаціи народа. Благодаря, этому Толстой одно время даже попалъ въ „консерваторы“.

Въ 1862 году Толстой женится, и наступаетъ періодъ безоблачнаго счастья, который длится, однако, не полныхъ 10 лѣтъ. Предъ нами сравнительно очень незначительная передышка 80-лѣтняго пути. Она кончается уже въ эпоху созданія „Анны Карениной“. Въ этомъ романѣ есть еще много отраднаго переживанія въ почти автобіографическомъ романѣ Левина и Китти, но уже столько горечи въ изображеніи семейной жизни Долли, въ несчастномъ завершеніи любви Анны Карениной и Вронскаго, столько тревоги въ душевной жизни Левина, что въ общемъ романъ является уже переходомъ къ завершительному періоду литературной дѣятельности Толстого.

«Анну Каренину» постигла весьма странная участь: всѣ отдавали полную дань удивленія и восхищенія техническому мастерству, съ которымъ она написана, но никто не понялъ сокровеннаго смысла романа. Произошло это отчасти потому, что романъ печатался въ реакціонномъ журналѣ. Мелкіе интересы, выведенные въ первыхъ главахъ, были поняты многими какъ, авторскіе идеалы, и въ эту ошибку впалъ даже такой близко знавшій Толстого человекъ и великій почитатель его, какъ Тургеневъ. На тревогу Левина смотрѣли просто какъ на блажь. Въ дѣйствительности душевное безпокойство, омрачавшее счастье Левина, было только завершеніемъ

того великаго исканія, которое сидѣло въ немъ съ самаго ранняго дѣтства, приняло въполнѣ опредѣленныя очертанія въ психологій Нехлюдова и Оленина и только на время было усыплено полосой безоблачнаго семейнаго и всякаго иного счастья. А велико было счастье! «Если бы, — говоритъ Толстой въ своей «Исповѣди» объ этомъ времени, — пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мои желанія, я бы не зналъ что сказать». Но такъ велики были запросы другого рода, что въ цвѣтѣ силъ и здоровья онъ утратилъ всякую охоту наслаждаться достигнутымъ благополучіемъ; ему стало «нечѣмъ жить», потому что онъ не могъ себѣ уяснить цѣли и смысла жизни. Въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ онъ сталъ говорить себѣ: «Ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губ. — 300 головъ лошадей, а потомъ?», въ сферѣ литературной: «Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ, — ну и чтожъ?»

Въ общемъ онъ почувствовалъ, что то, на чемъ онъ «стоялъ, подломилось», что того, чѣмъ онъ «жилъ, уже нѣтъ». Естественнымъ результатомъ была мысль о самоубійствѣ. «Я, счастливый человѣкъ пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый день бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни». Такого эпизода не найти намъ въ біографіяхъ другихъ баловней судьбы.

Мы знаемъ, что, желая найти отвѣтъ на измучившіе его вопросы и сомнѣнія, Толстой лихорадочно бросается въ область богословія, ведетъ бесѣды съ священниками и монахами, изучаетъ древнегреческій и древне-еврейскій языки, чтобы въ подлинникъ познать первоисточники христіанскаго ученія, сближается съ вдумчивымъ крестьяниномъ-сектантомъ Сютеевымъ, съ молоканами, штундистами и т. д. Мы знаемъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ тою же лихорадочностью ищетъ смысла жизни въ изу-

ченіи философіи и знакомствѣ съ результатами точныхъ наукъ. Стремится къ все большему и большому опрощенію, отказывается отъ прихотей и удобствъ богатой жизни, отдаетъ семьѣ все свое крупное состояніе, отказывается отъ литературной собственности.

Только теперь напряженнѣйшая работа «великой совѣсти» становится очевидной для всѣхъ и отсюда неистребимое, но совершенно неправильное представленіе о двухъ періодахъ жизни Толстого. Тѣ, которымъ никакъ нельзя было уклониться отъ соболѣзнованій по поводу смерти «великаго писателя земли русской», особенно усердно старались установить «первый» похвальный періодъ, когда Толстой былъ только художникомъ, и «второй», когда онъ сталъ моралистомъ. Все это вздоръ и игнорированіе фактовъ подлинной біографіи Толстого. Толстой единъ на всемъ своемъ протяженіи, отъ колыбели до могилы.

Но, несомнѣнно, конечно, что во «второмъ» періодѣ работа великой совѣсти была виднѣе всему свѣту. И когда начинаешь вдумываться въ основу того, что сдѣлало Толстого по-истинѣ легендарной личностью, то, конечно, сначала теряешься, что тутъ важнѣе: великій человѣкъ или великій писатель и которая изъ этихъ двухъ ипостасей приковала къ себѣ вниманіе міра?

Однако же, не схоластика ли все это желаніе отдѣлить человѣка отъ писателя? Не все ли равно въ концѣ концовъ. Не будь Толстой великимъ писателемъ—онъ не привлекъ бы къ себѣ такого вниманія. Будь онъ только писателемъ, онъ тоже не попалъ бы на такую высоту въ сознаніи народовъ. Великъ Толстой—вотъ и все; зачѣмъ подраздѣленія?

* * *

Не только «человѣкъ онъ былъ» но и всечеловѣкъ. Первый настоящій всечеловѣкъ, о которомъ напрасно мечтали славянофилы и Достоевскій. Толстой не только великій писатель земли русской.